

ВЯЧЕСЛАВ БОГДАНОВ

1937–1975 гг.

Вячеславу Богданову – талантливому русскому поэту – исполнилось бы 75 лет.

Малая родина, Тамбовщина, одарила его поэтической душой, а вторая малая родина – Урал – дала ему поэтическую судьбу.

При жизни поэта было издано семь его стихотворных сборников, а после безвременной гибели ещё шесть.

Ежегодные Богдановские чтения проходят на Тамбовщине, где открыт музей поэта, названы его именем библиотека и улица, где ежегодно в его честь вручается литературная премия “Светунец”, где установлен памятник ему работы народного художника Н. А. Селиванова.

“Вячеслав Богданов принадлежал к тому поколению крестьянских детей, которые с невероятными усилиями, преодолевая нужду, лишения, безотцовщину, не имея опоры на знатных родителей, на семейные традиции, вышли из простонародья и стали в 1960-е годы настоящими творцами русской культуры”.

Станислав Куняев, Москва

“В стихах Богданова отчётливо слышится голос подлинной жизни, в которую автор вошёл уверенно хотя бы потому, что “по дорогам нетореным, тряским из-под рук моих песня и труд далеко уходили, как сказки”... Полные достоинства слова поэта о том, что у него “завод-отец, деревня-мать, и чёрный труд — учитель!” — не декларация, а неотъемлемая часть биографии — металлургической и поэтической”.

Николай Кузин, Екатеринбург

“Бывая в Москве, Слава любил приходить в Центральный Дом литераторов. Его тянуло к друзьям, в атмосферу этого дома. Однажды он пригласил меня. Его многие знали. Когда он дружески здоровался с известными поэтами, я тихо ему завидовал и гордился им. Самым памятным было знакомство с Николаем Тряпкиным. Их с Богдановым связывала многолетняя дружба. Мы сидели за столиком, Тряпкин напевал свои стихи, закрыв глаза и отбивая ногой такт. Потом он положил руку на плечо Богданову и сказал: “Завидую тебе. Село — это да. Знаю хорошо. Стихи о нём получаются как надо. Живу в Москве, а стихов о городе нет. Хочу написать, а не могу. У тебя и то, и другое. И хлеб, и железо. Молодец. Завидую”.

Геннадий Суздаев, Челябинск

И КЛАНЯЮСЬ Я ПРОШЛОМУ ОПЯТЬ...

РУСЬ

Обжитый мир под Солнцем, под Луной
И под лучами звёздными косыми,
Где дух веков кружится надо мной
И распахнулся далями России.
И я иду навстречу тем векам,
Голубоглазый, русский, коренастый.
Колосья прикасаются к рукам,
Озёра колыхаются глазасто.
Земля всю вращается, кричит
Холмом, золой,
Что с ней на свете было...
Роняет Солнце тихие лучи
На обелиск,
На братские могилы.
И кланяюсь я прошлому опять,
Родной земле за все крутые были.
Я в мир пришёл — творить,
А не рыдать,
Века и так к нам на слезах приплыли...
Нам прошлое сегодня,
Как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?!
И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,
Неба,
Пущи...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

1973 г.

ОЗЕРО

Откипело озеро степное,
Синевой пронизано насквозь,
В берега,
Оплавленные зноем,
Присмирив на время,
Улеглось.
Что его негаданно
взъярило?
Не бывает бури
без причин!
И какая
Зоревая сила
Вырывала камни из глубин?
Озеро бунтует
не впервые,
Раздвигая берега,
Как тьму.
Назвенели воды дождевые
Про свободу-волюшку ему...
Потому металось так мятежно!
Может быть,
Поднявшись на дыбы,
Океан увидело безбрежный
Из своей
Кольцованной судьбы!
Но ему
Из берегов разбитых
В океан прорваться не дано!
И крутые камни,
Как обиду,
Засосало илистое дно.
Всё равно при утреннем тумане
Забунтует озеро насквозь.
Пусть оно не выйдет к океану,
Но зато к великому рвалось.

СТОГ

— *А кой тебе годик?*
— *Шестой миновал.*
Н. А. Некрасов

Тяжёлый год. Нетопленая печь.
Глухая ночь,
А в доме — ни полена.
Над стогом месяц висится,
Как меч,
Крадусь в степи,
Как будто бы из плена.
Огонь в избе объездчика потух...
И не страшны мне ни погост,
Ни волки...
Лишь скрип салазок напрягает слух,
Торчит стерня,
Острее, чем иголки...

Я стогу в бок вогнал железный крюк,
Обучен рано ремеслу такому...
Но только стог упрям,
Как жадный друг,
Мне по клочочку выдавал солому.
И дёргал я солому сколько мог,
Искал места,
Где легче подступиться.
Вгонял я крюк.
И, оседая, стог
Стонал в ночи, как раненая птица.
И я, мальчишка десяти годов,
По-взрослому,
Совсем не без опаски,
Между чужих запутанных следов
Тянул домой с соломою салазки.
Такая даль искрилась впереди!
Такие звёзды крупные сияли!
Хотелось всю деревню разбудить,
Но брёл тайком,
Чтоб люди не видали...
Я отдохнуть присел на бугорке, —
Спасителем от всех морозных бедствий
Колхозный стог виднелся вдалеке,
Раздёрганный кругом,
Как наше детство.
Я это всё запомнил и сберёг.
И сердце оттого не каменеет...
И душу мне,
Как тот колхозный стог,
Никто вовек раздёргать не сумеет!..

1972 г.

Я ЖИВУ...

Я живу на озёрном Урале,
Ты живёшь на великой реке.
От моей полуночной печали
Почернело кольцо на руке.
Упаду, как ослепшая птица,
Путеводной не видя звезды.
Из какого резного копытца
Выпить мудрость волшебной воды?
Доживу без любви
И без ласки
И тебя никогда не дождусь.
Всё равно,
Как царевич из сказки,
Я однажды тебе пригожусь.
Ты очнёшься,
Но будет уж поздно,
Слишком жизнь у людей коротка.
Укачает упавшие звёзды
Голубая речная тоска.

1960 г.

СЕНТЯБРЬ

Весёлая,
Сквозная,
Продувная
Пришла она, осенняя пора.
На стол легла горячим караваем,
Листою закружилась у двора.
Пришла с нарядной красною рябиной,
Её ветвей упругих не щадя,
С пугливой суетою воробьиной
И с серостью настырного дождя.
Родной сентябрь!
До радости, до пенья
Своим лучом прощальным обогрей!
О, добрый месяц моего рожденья,
Меня всегда ты делаешь добрей.
Я никакой обиды не припомню
И никому беды не причиню,
А лишь уйду к берёзам через пойму
И поклонюсь серебряному дню.
И станет память чище и милее
О поле, о заводе, о руде...
И закипят в душе,
Как муравейник,
Былые дни, прожитые в труде...

1974 г.